

Russie.Cei.Visions n°1

Хрупкое равновесие российско-китайских отношений

Бобо Ло

Апрель 2005

Программа исследований по России и СНГ

Французский Институт Международных Отношений (ИФРИ) является ведущим независимым центром исследований, информации и общественных дебатов в области актуальных международных вопросов во Франции. Он был создан в 1979 году Тьерри де Монбриалем и имеет статус общественно значимой ассоциации (согласно французскому закону об ассоциациях 1901г.). Институт не подчинен какому-либо административному органу, самостоятельно определяет направления своей деятельности и регулярно публикует результаты своих исследований.

Ответственность за мнения, высказанные в данной статье, возлагается исключительно на ее авторов.

Программа исследований по России и СНГ
©Ifri, 2005 – www.ifri.org
Institut Français des Relations Internationales
27 rue de la Procession – 75740 Paris cedex 15 – France
Тел.: 33 (0)1 40 61 60 00 – факс: 33 (0)1 40 61 60 60

«Russie.Cei.Visions» – электронная коллекция статей, посвященная России и странам СНГ (Белорусия, Украина, Молдавия, Армения, Грузия, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и Кыргызстан). Эти небольшие по объему статьи подготовлены признанными в своей области экспертами и являются *policy oriented* документами по политическим, стратегическим и экономическим вопросам.

Статьи, опубликованные в этой коллекции, отвечают стандартам качества ИФРИ (редакционный контроль и анонимная экспертная оценка).

Если Вы желаете получать информацию о следующих выпусках коллекции по электронной почте, Вы можете оформить подписку по адресу: info.russie.cei@ifri.org

Краткое содержание

Отношения России с Китаем являются сложными и противоречивыми. На сегодняшний день двусторонние связи более интенсивны и разнообразны, чем раньше. Россия и Китай разделяют единые позиции по многим региональным и международным вопросам. Кроме того, Китай является основным покупателем российского оружия и энергоносителей. В то же время, Россия проявляет растущее беспокойство в связи с постепенным превращением Китая в новую глобальную державу и его последствиями для безопасности России и ее места в мире. Будущее российско-китайского партнерства, в котором близость стратегических подходов сочетается с недоверием, остается неясным.

Хрупкое равновесие российско - китайских отношений

Отношения между Россией и Китаем неоднозначны и таят в себе многочисленные противоречия. Общая прагматичность подхода сочетается в них с предрассудками. Позитивный характер обязательств переплетается со стратегическим соперничеством. Близость позиций ограничивается опасениями по поводу будущего развития событий. К этому примешиваются ревность и межцивилизационное презрение. Логика, определяющая сотрудничество между Москвой и Пекином, многогранна и удивительна, хотя в постсоветский период Китаю по большей части отводилась роль противовеса отношениям между Россией и Западом. Если, по мнению одних наблюдателей, российско-китайское стратегическое партнерство служит образцом «прагматизма» внешней политики России постсоветского периода, многие другие полагают, что близость и интенсивность отношений являются скорее риторическими, нежели реальными.

Наследие истории

Двойственность российской политики по отношению к Китаю имеет долгую историю, которая восходит еще к татаро-монгольскому нашествию на русские княжества в XIII веке. Разрушения, причиненные татаро-монгольской ордой, укоренили в российском сознании представление о Востоке как о постоянном источнике угрозы. Татаро-монгольское иго не оказало практически никакого положительного влияния на развитие покоренных народов, что усилило восприятие Востока как воплощения варварства, отсталости, а также опасности. Длительная изоляция России от основных азиатских цивилизационных течений препятствовала складыванию альтернативных, более позитивных представлений о Востоке¹.

Переведено с английского (Великобритания) Татьяной Кастуевой-Жан.

¹ Такое отношение отличается от российского отношения к Западу. Несмотря на страдания, причиненные вторжениями Наполеона и Гитлера (если говорить только об этих двух захватчиках, пришедших с Запада), в России существует прочно укоренившееся уважение к достижениям Франции и Германии в области государственного управления, законодательства, философии, экономики и культуры. Показательно, например, что репутация В. Путина как германофила скорее способствовала его карьере, нежели препятствовала ей. Таким же образом, во время холодной войны враждебное отношение в СССР к Соединенным Штатам во

Негативное влияние долгосрочных структурных факторов (таких, как расстояние и изолированность друг от друга, цивилизационные и нормативные различия) усугубилось в результате событий современной эпохи: участия России в территориальном разделе Китая во второй половине XIX века, двойного подхода Сталина к гражданской войне между Мао Цзедунем и Чан Кай-Ши, яростного идеологического и личного соперничества между Мао и Никитой Хрущевым и вооруженных столкновений на советско-китайской границе в 1969 году.

Сочетание подсознательного «монгольского комплекса», цивилизационного отчуждения и исторических «черных пятен» породило чувство постоянного недоверия, которое до сегодняшнего дня продолжает сковывать развитие российско-китайских отношений. Оно во многом повинно в рождении вечного мифа о грядущем нашествии миллионов китайцев на малонаселенные территории российского Дальнего Востока² и настороженном отношении к заверениями Пекина о полном отказе от любых территориальных претензий. Несмотря на окончательную демаркацию российско-китайской границы, в Москве существует подспудное опасение, что при первом удобном случае Пекин попытается тем или иным способом вернуть себе потерянные территории. И произойдет это, если не военными методами, то путем «ползучей» экспансии, которая обусловлена огромным (и постоянно увеличивающимся) демографическим дисбалансом по ту и другую сторону границы³.

Стратегическое измерение

С учетом такого психологического климата нет ничего удивительного в том, что в российско-китайских отношениях преобладает стратегическое измерение. Непростое историческое прошлое, недавние воспоминания о холодной войне и утверждение Соединенных Штатов в качестве доминирующей глобальной державы объясняют выход на первый план вопросов безопасности и геополитики. Несмотря на интенсивный рост двусторонних экономических связей, российские и китайские политики продолжают мыслить прежде всего категориями угрозы и геополитических расчётов.

всем, что касалось стратегических вопросов, смягчалось искренним восхищением уровнем экономического и технологического развития этой страны.

² В действительности, численность китайского населения на Дальнем Востоке России оценивается *максимально* в 100 000 человек, более половины которых не являются лицами, постоянно проживающими в России. Эта цифра значительно ниже, чем в дореволюционный период и может быть сравнима с тридцатыми годами до сталинских депортаций.

The balance of power

Стратегическое измерение присутствует на различных, но связанных между собой уровнях. Первым является двустороннее равновесие сил, которое затем влияет на другие геополитические концепции, такие как игры с нулевой суммой или сферы влияния. Несмотря на официальные заверения в обратном, многие российские политики и наблюдатели все больше обеспокоены скоростью, с которой Китай наверстывает свой стратегический отрыв от России. Многие утверждают, что глобальная мощь Китая – политическая, военная и экономическая – уже превзошла российскую. Абсолютное превосходство России по ядерному оружию не приносит чувства успокоения, настолько мала вероятность его применения на сегодняшний день. Наблюдатели указывают на тревожный дисбаланс по обычным вооружениям между многочисленной и быстро модернизирующейся китайской армией, значительно укрепившей свою боеспособность благодаря приобретению новейшей российской боевой техники и передовых военных технологий, и вооруженными силами самой России, деморализованными, слабо оснащенными и постепенно теряющими свою эффективность.

По правде говоря, неверно полагать, что изменение двустороннего баланса военных сил неминуемо влечет за собой рост «китайской угрозы». Затяжное отставание большей части китайской армии, окончательное закрепление российско-китайской границы, принятие мер доверия в рамках Шанхайской организации сотрудничества и близость позиций двух стран по многим политическим вопросам и проблемам безопасности приводят к невозможности агрессивных действий Китая против России в ближайшем будущем. Но в более долгосрочной перспективе постепенное превращение Китая в глобальную державу в сочетании с изменением двустороннего баланса сил придают особое звучание словам Евгения Примакова: «Доверяй не намерениям, а потенциальным возможностям». Если Китаю и дальше удастся удержать темпы своего годового роста на уровне 8-10 % (как это происходит с начала экономических реформ 1978 года), это может – и даже раньше, чем можно предположить – выразиться в значительном качественном скачке его военной мощи. Хотя китайское правительство придает важное значение модернизации во всех сферах деятельности, российские стратегические аналитики отмечают, что все более

³ Население Дальнего Востока России уменьшилось по оценкам приблизительно до 6,7 миллиона человек. Для сравнения: в соседних китайских провинциях проживает более 110 миллионов человек.

значительные средства выделяются им именно на строительство современной армии⁴, способной к ведению любого типа военных действий.

Стратегические треугольники

Подобные опасения объясняют попытки администрации президента Путина возродить принцип стратегической диверсификации региональных отношений, в частности, через развитие стратегического треугольника, включающего Россию, Китай и Японию⁵. Недавнее решение Москвы пересмотреть своё согласие на строительство Восточно-Сибирского нефтепровода, идущего в Дацин (Манчжурия), продиктовано в первую очередь стремлением России избежать возможного шантажа со стороны Китая как монопольного покупателя. Делая выбор в пользу более длинного и, соответственно, более дорогостоящего маршрута, пролегающего к российскому тихоокеанскому порту в бухте Перевозная, Москва надеется уменьшить свою зависимость от Пекина путем диверсификации экспорта на более широкий рынок стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Предложение В. Путина, адресованное Токио, вернуться к спорному вопросу о Южных Курилах (Северных территориях) продиктовано той же озабоченностью. Оно отражает не только желание улучшить отношения с самой Японией, но и придать российской политике больше стратегической гибкости в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Более глубокой движущей силой, скрывающейся за отношениями в этом треугольнике, является забота о сохранении существующего на стратегическом уровне статус-кво в Северо-Восточной Азии. В силу тех же причин, по которым российские политики сопротивляются глобальной гегемонии Соединенных Штатов, они стремятся предотвратить появление одной доминирующей державы в Восточной Азии.

⁴ По данным Международного Института Стратегических Исследований (IISS), в 2003 году Китай увеличил свой официальный оборонный бюджет на 11,9 %. При этом нужно заметить, что Китаю удаётся сохранять двузначный темп экономического роста уже на протяжении 15 лет подряд. (*The Military Balance, 2004/2005*). Пекин предпринимает шаги по модернизации своего военно-промышленного комплекса и оказывает давление на Россию с целью добиться передачи технологий изготовления оружия через преференциальные лицензионные условия на покупку военной техники. Москва настороженно относится к подобной возможности, хотя объяснение этому кроется скорее в экономических причинах, а не в соображениях безопасности.

⁵ Как ни странно, отношения в другом стратегическом треугольнике, Россия-Китай-Индия, сыграли лишь второстепенную роль в постепенном улучшении российско-индийских отношений после прихода В. Путина. Кремлевские власти не рассматривают Индию в качестве стратегического противовеса Китаю: хорошие отношения с этой страной ценятся сами по себе, поскольку она представляет ключевой рынок для экспорта российского оружия и ядерной энергии. Идея стратегической оси Москва-Пекин-Дели как противовеса Соединенным Штатам была впервые выдвинута в 1998 году Е. Примаковым, бывшим в то время министром иностранных дел Российской Федерации, и является более чем надуманной. Хотя она

Достижение Китаем статуса очередной супердержавы грозит рождением новой динамики развития в этом регионе, которая может привести одновременно к его дестабилизации и вытеснению России на обочину процесса принятия решений, например, по проблеме Корейского полуострова, где и без того скромная роль Москвы может еще уменьшиться. Выбор в пользу более диверсифицированного подхода и меньшей ориентации на Китай в российской «азиатской политике» подкрепляется обманутыми ожиданиями девятых годов, когда Россия надеялась, что Китай будет способствовать её политической и экономической интеграции в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Инструментализм и американо-центризм

Принцип стратегической диверсификации является неотъемлемой частью российского мировоззрения с момента прихода к власти президента Путина: он воплощается в широко используемых понятиях «многовекторной» внешней политики и «географического равновесия». В этих концептуальных рамках российско-китайское партнёрство базируется на двух опорах: двустороннем сотрудничестве по постоянно расширяющемуся кругу вопросов и стремлении создать противовес или ограничить влияние доминирующей глобальной державы. Этот консенсус с целью предотвращения доминирования одного государства часто по ошибке принимается за «союз». На самом деле он отражает стратегическое мышление, берущее корни в традициях «концерта великих держав» начала XIX века. Особый акцент на концепции «многополярности» в российско-китайских заявлениях на высшем уровне свидетельствует, в первую очередь, о приверженности обеих сторон международной системе, основанной на принципе многочисленных сдержек и противовесов.

Помимо слабой связи с реальностью, очевидным недостатком этого подхода является то, что на практике он часто срабатывает как анти-американская философия, а не как позитивная база для развития российско-китайского партнерства. Это было особенно заметно при президенте Ельцине, когда отношения с Китаем были инструментализированы и сводились к серии рефлексивных действий в ответ на «враждебные» действия Запада, такие как расширение НАТО или военное вмешательство Альянса в Косово. Впечатление негативного характера отношений усиливалось стагнацией экономических связей и декларативным характером многих российско-китайских двусторонних соглашений. Несмотря на постоянную критику Москвы и Пекина в адрес Вашингтона, было очевидно, что каждая из сторон придаёт

периодически возникает вновь, её очевидная нереальность объясняет тот факт, что кремлёвские лидеры никогда не придавали ей серьёзного значения.

большее значение своим отношениям с Соединенными Штатами, чем двустороннему сотрудничеству.

С приходом к власти В.Путина российско-китайские отношения наполнились содержанием, стали более разнообразными и были институционализированы. Но стратегия Москвы по-прежнему ориентируется прежде всего на Запад. Данное В.Путиным согласие на американское военное присутствие в Центральной Азии после событий 11 сентября, его примирительное отношение к выходу Вашингтона из Договора об ограничении систем противоракетной обороны 1972 года (несмотря на то, что в российско-китайском Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве он рассматривается как «краеугольный камень стратегической стабильности»), а также подписание в мае 2002 года Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений показывают, какое направление во внешней политике страны российский президент считает действительно приоритетным. В конечном счете, партнерство с Китаем, каким бы тесным оно ни было, никогда не сможет подменить собой отношения с США (или даже с Западной Европой): несмотря на всю свою важность, оно остаётся лишь дополнением к ним.

Стратегические устремления

Китай имеет странный и противоречивый образ в глазах России. С одной стороны, он является «стратегическим партнером», близость позиций которого по целому ряду региональных и международных вопросов – от проблем сепаратизма (Чечня, Синьцзян, Тибет) до многополярности – высоко ценится Россией. Китай также является основным покупателем российского оружия и энергоносителей. С другой стороны, российские руководители признают ограниченный характер влияния Китая в мировых делах: во всяком случае, на данный момент Китай не является ни ключевым игроком в вопросах безопасности, вышедших на первый план после событий 11 сентября, ни экономическим партнером, сравнимым с Европейским Союзом или даже некоторыми государствами - членами СНГ, такими как Украина и Белоруссия.

Основной стратегический интерес Китая к России вписывается в более долгосрочную перспективу. Один из многочисленных парадоксов этого партнерства заключается в том, что в основе преград, разделяющих их, лежат как различия, так и схожесть двух стран. И Китай, выдлившийся из ряда развивающихся стран, и Россия, пытающаяся вернуть себе хотя бы часть статуса и влияния, которыми она обладала в советский период, стремятся стать державами мирового значения. Но если Россия демонстрирует слабые способности для совершения подобного скачка, постепенное превращение Китая в будущую глобальную державу кажется неотвратимым и влечет

за собой серьёзные последствия для мира в целом и для России в частности. В этих обстоятельствах реальная «китайская угроза» заключается не в гипотетической возможности его военного или демографического наступления на Россию и даже не в нарушении стратегического баланса, а скорее в процессе трансформации Китая в глобальную державу, что ведёт к оттеснению России на периферию принятия международных решений. В целом, хотя Москва и Пекин проявляют осторожность, занижая оценку глубины стратегического соперничества, определённые трения возникают даже в сегодняшнем благоприятном климате двустороннего партнерства, например, в рамках Шанхайской организации сотрудничества, где каждая из двух стран стремится обеспечить себе роль лидера, или в отношении Корейского полуострова, где Россия незаметно пытается ограничить влияние Китая.

Амбивалентность экономического сотрудничества

Эти стратегические проблемы отражаются и на экономических отношениях между Россией и Китаем. Объем официального товарооборота увеличился почти в три раза после прихода В. Путина к власти: с 5,7 миллиардов долларов США он вырос до 15,7 миллиардов долларов. Кроме того, объем неофициальных обменов, в которых доминирует челночная приграничная торговля, постоянно растет и достигает, по словам В. Путина, 10 миллиардов долларов США. Существует высокий потенциал для последующего развития торговли и инвестиций в отраслях ядерной энергии, космического сотрудничества, а также по нефтяным и газовым проектам.

Однако, несмотря на эти позитивные тенденции, остается неясным, являются ли Россия и Китай естественными торговыми партнерами, экономическая взаимодополняемость которых даёт возможность каждому извлекать устойчивую выгоду для себя, или же конкурентами, соперничающими в сфере международной торговли и инвестиций. В этом отношении российское правительство оказалось перед любопытной дилеммой. С одной стороны, Россия, конечно, заинтересована в поддержании своего экономического роста, опираясь на сильные стороны своей экономики, такие как экспорт нефти и газа, в том числе и на развивающиеся рынки Восточной Азии, или продажа оружия таким крупным клиентам как Китай и Индия. Она может также получать выгоду путем удовлетворения их растущего спроса на ядерную энергию и космические технологии.

С другой стороны, нельзя пренебрегать потенциальными рисками растущего экономического сотрудничества с Китаем. Поставки нефти и газа способствуют ускорению модернизации этой страны, что является фундаментальным залогом ее

превращения в глобальную державу. Продажа оружия и военных технологий также способствует повышению боевой готовности Китая, что чревато последствиями не только для региональной стабильности, но и для собственной безопасности России в долгосрочной перспективе (включая и возможность их потенциального использования против самой России).

Подобные опасения, какими бы преувеличенными они ни казались, имеют значительный резонанс во всех российских политических кругах: как среди либералов-западников, так и среди националистов-державников. Политические руководители и аналитики осознают жизненную важность поддержания прочных деловых связей с Китаем, но это понимание пронизано ощутимым чувством беспокойства. В частности, многие высказывают сомнения в том, что экономическая выгода от продажи оружия и энергии в Китай перевешивает потенциальный риск для национальной безопасности.

Перспективы

Наличие множества асимметрий – политических, экономических, идеологических и цивилизационных – между Россией и Китаем само по себе не исключает возможности развития связей (и даже тесных) между ними. Возможно, они и не так близки, как об этом говорится в официальных заявлениях, но, тем не менее, нужно заметить, что стратегическое партнерство функционирует лучше, чем можно было предположить с учетом трудного исторического генезиса и очевидных различий между двумя странами.

Частичным объяснением этому факту является то, что партнерство основано на общих интересах, а не на общих ценностях. В то время как русские и китайцы могут иногда «недолюбливать» или не понимать друг друга, их связывают многочисленные соображения взаимной выгоды. Значительная протяженность общей границы (4300 км), сопротивление мировому господству США и растущее экономическое сотрудничество являются вескими основаниями для того, чтобы подчеркивать преимущества партнерства, одновременно затушевывая, но не игнорируя полностью, тающиеся в нем риски.

Однако уязвимость любых отношений, основанных на определенных общих интересах, а не на разделяемых ценностях, кроется в том, что интересы могут меняться, что и происходит в действительности. Сегодняшнее стратегическое сближение с целью противостояния доминирующей мощи США может легко превратиться завтра в другую комбинацию стратегических императивов. Недостаток «ценностной базы» в основании российско-китайских отношений может привести к

тому, что в период трудностей партнерам не хватит решимости для того, чтобы устоять перед неудачами и спадами.

Вторым элементом, осложняющим российско-китайское партнерство, является изменчивый характер российской внешней политики, которая часто оказывается заложницей краткосрочных политических и экономических целей, взаимодействия между различными групповыми интересами и чрезмерной персонализации процесса принятия решения. Подобное непостоянство препятствует появлению целостной и последовательной стратегии по отношению к Китаю. Традиционный набор общих принципов – многополярность, стратегическое партнерство, и т.д. – и частых ответов *ad hoc* на специфические проблемы приводит к бессодержательной и противоречивой политике, что и было проиллюстрировано пересмотром проекта строительства Восточно-Сибирского нефтепровода.

В-третьих, негативному импульсу, который движет большей частью российско-китайских отношений, по природе своей свойственна нестабильность. Поспешность, с которой В. Путин присоединился к позиции Соединенных Штатов после 11 сентября, отодвинув Китай на второстепенное место в концепции российской внешней политики, подтверждает естественную прозападную склонность самого Путина и российской политической элиты в целом. Стабильный и содержательный подход к Китаю невозможен, пока Москва рассматривает добрые отношения с Пекином прежде всего как способ достижения других целей, своего рода «прибавочную стоимость» в контексте глобальной стратегической игры, а не как самостоятельную цель. Перспектива более зрелого, более «стратегического» подхода кажется далёкой, особенно с учетом того, что смена поколений в России и Китае, по всей вероятности, приведет к тому, что оба партнера будут все больше ориентироваться на Запад, а не друг на друга.

В заключение можно отметить парадоксальность того, что успешность стратегического партнерства в последние годы может обернуться для него как положительным, так и отрицательным фактором. С учетом того, что многие двусторонние проблемы уже нашли свое решение, возникает вопрос, по какому дальнейшему пути пойдет развитие партнерства. Перейдет ли оно на качественно новую ступень развития, как об этом заявляют Москва и Пекин, или же, исчерпав потенциал своего развития, отношения между ними вступят в длительный период застоя, а может быть и кризиса? Многое будет зависеть от устойчивой приверженности Китая и, особенно, России взаимным обязательствам вопреки предрассудкам и подозрениям, продолжающим разделять их, и способности партнёров устоять перед соблазном стратегических игр и неизбежными разногласиями по отдельным

политическим вопросам, возникающим даже при самых тесных отношениях. С учетом исторического опыта, трудно с уверенностью смотреть в будущее.

Об авторе

Бобо Ло является ассоциированным исследователем (*Associate Fellow*) в Chatham House и приглашенным экспертом (*Visiting Scholar*) в Московском Центре Карнеги. Среди его последних публикаций: «Russia's evolving China policy» (*International Affairs*, London, March 2004), *Vladimir Putin and the Evolution of Russian Foreign Policy* (Chatham House and Blackwell Publishing, 2003) и *Russian Foreign Policy in the Post-Soviet Era: Reality, Illusion and Mythmaking* (Palgrave Macmillan, 2002).